

— Скажи, Оедоръ, спросилъ Павелъ Степановичъ:—не-уже-ли ты и теперь, смотря на насъ, не вѣришь въ любовь?

— Я вѣрю въ исключеніе! отвѣчалъ Оедоръ Васильевичъ, потому подумалъ: «хорошо еслибъ и мнѣ найдти такое исключеніе!»

И онъ скоро уѣхалъ къ Никитѣ Михѣевичу, котораго сестру, я надѣюсь, читатель не помнитъ...

ПЕТРЪ СУХОНИНЪ.

1848 года, 23-го июля.

С О Н Ъ.

(Изъ Байрона.)

I.

Жизнь наша двойственна; сонъ также имѣеть свой міръ, предѣлъ между тѣмъ, что ошибочно называютъ смертію и существованіемъ; сонъ имѣеть свой міръ, огромное царство пустынной дѣйствительности: сны, въ своемъ развитіи, дышатъ, имѣють свои слезы, свои муки, свою дою наслажденія; они оставляють тяжесть на нашихъ пробужденныхъ мысляхъ; они снимають тяжесть съ нашихъ пробужденныхъ заботъ; сны дѣлять наше бытіе, составляютъ часть насъ самихъ и нашего времени, и являютя подобно вѣстинкамъ вѣчности. Сны проходятъ, какъ духи прошедшаго, и говорятъ, какъ свѣдѣлы будущаго; они имѣють могущество... тираніи наслажденія и горя; они дѣлають изъ насъ то, чѣмъ мы никогда не были — чѣмъ имъ угодно, и, преслѣдуя насъ мимолетнымъ видѣніемъ, потрясають ужасомъ къ тѣни уже пчезнувшей. Не такъ ли? Все прошлое не есть ли тѣнь? Что такое сны? Созданія духа... Духъ можетъ творить самобытныя явленія и населять міры свои существами блистательнѣйшими, какія только когда-либо существовали; онъ властенъ вдохнуть жизнь въ формы, которыя и могутъ пережить все, облеченное въ плоть.

Я желалъ бы вызвать теперь видѣніе, которое мнѣ грезилось, быть-можетъ, во снѣ, потому-что мысль сама въ себѣ, непробужденная мысль способна обнять годы и сосредоточить самую долгую жизнь въ одинъ часъ.

II.

Я видѣлъ два существа—во цвѣтѣ юности, стоявшихъ на холмѣ, на очаровательномъ холмѣ, на зеленомъ съ смѣющимся склономъ, какъ-будто онъ былъ мысомъ въ длинной цѣпи другихъ: только зеленыя волны лѣсовъ и жатвъ были мѣстами усѣяны человѣческими лицами и, клубяся, дымъ подымался съ кровель. Холмъ былъ увѣн-

чанъ особой діадемой изъ деревъ, разсаженныхъ кругообразно—не прихотью природы, но человека.

Они—дѣвушка и юноша, были тутъ: она смотрѣла на окрестность, прекрасную, какъ сама она; но юноша глядѣлъ на нее... Оба они были молоды, и—она прекрасна... Оба они были молоды, но разны молоды: какъ милая луна на краю горизонта, молодая дѣвушка была на канунѣ дѣвичей зрѣлости; не много лѣтъ считалось юношѣ, но его сердце далеко перерасло его годы. И для его очей тутъ было — только одно ненаглядное лицо на землѣ и оно теперь надъ нимъ сіяло; онъ смотрѣлъ на него до-тѣхъ-поръ, пока она никогда ужъ не могла исчезнуть изъ души его. Только ея онъ жилъ и дышалъ; онъ не говорилъ съ ней — но трепеталъ отъ словъ ея; она была его зрѣніемъ; потому-что глаза его слѣдили за направлениемъ ея очей и глядѣли на все только ея очами, гдѣ, рисуясь, отражались для него всѣ предметы. Онъ пересталъ жить въ самомъ себѣ—она была его жизнью, океаномъ, куда стремились всѣ потоки его мыслей, которымъ для него все кончалось. Но при звукѣ ея голоса, при ея прикосновеніи, дѣлался приливъ и отливъ въ его крови и измѣнялся бурно цвѣтъ ланитъ—хотя его сердце и не постигало еще причинъ своему томленію.

Но она не брала участія въ этихъ сердечныхъ чувствахъ; ея видѣнія были не о немъ... Онъ для нея былъ — едва братомъ, но не болѣе. Это было уже много; потому-что у ней не было брата, исключая только — брата по имени, которое ея дѣтская дружба давала ему. Она сама была одинокою отраслью древняго, нѣкогда славнаго поколѣнія. Имя это нравилось ему—и не нравилось... И почему? Время принесло на то глубокий отвѣтъ—когда она полюбила другаго; но и теперь она любила другаго, и съ вершины холма, на которомъ стояла, глядѣла она вдаль, надѣясь увидать, не мчится ли конь ея возлюбленнаго съ быстротою ея ожиданія.

III.

Перемена произошла въ духѣ моего видѣнія.

Тамъ былъ древній замокъ и предъ стѣнами его—осѣдланнй конь; въ старой молельнѣ стоялъ юноша, о которомъ я говорилъ... Онъ былъ одинъ и блѣденъ, ходилъ взадъ и впередъ; потомъ онъ сѣлъ, схватилъ перо и начерталъ слова, которыхъ онъ не могъ разгадать; потомъ онъ подперъ руками наклоненную свою голову и задрожалъ какъ-бы отъ конвульсій. Потомъ онъ всталъ, и зубами, и дрожащими руками разорвалъ то, что написалъ; но не пролилъ слезъ и сдѣлался спокойнѣе и надъ его очами разлилось какое-то подобіе душевной тишины. Когда онъ остановился—вошла она; она имѣла взоръ свѣтлый и улыбалась, однако же знала, что была имъ любима; она знала (потому-что быстро приходитъ такое знаніе), что его сердце было омрачено ея тѣнію, и она видѣла, что онъ былъ несчастливъ; но она не все видѣла... Онъ всталъ, и холодно, граціозно взялъ ея руку. И на мгновение на лицѣ его выступилъ рядъ невыразимыхъ мыслей и они исчезли, какъ и пришли. Онъ опустилъ руку, которую держалъ, и медленнымъ шагомъ удалился, но не сказавъ прости, потому-что они разошлись, оба молча улыбаясь. Онъ вышелъ за массивныя ворота древняго замка и, вскочивъ на коня, поѣхалъ своею дорбгой, и никогда ужъ не переступалъ за этотъ, обросшій мхомъ, порогъ.

IV.

Перемѣна произошла въ духѣ моего видѣнія.

Отрокъ возмужалъ. Въ пустыняхъ жаркихъ климатовъ основалъ онъ свой домъ и отчизну, и душа его шила лучи солнца. Окруженный странными и мрачными видами, онъ пересталъ быть самимъ-собою, пересталъ походить на то, чѣмъ былъ. И на морѣ и на сушѣ сдѣлался онъ странникомъ. Тутъ была масса разнородныхъ образовъ, обступавшихъ его, подобно волнамъ, и, казалось, онъ самъ былъ частью ихъ. И въ-послѣдствіи—лежалъ онъ, отдыхая въ зной полудня, въ тѣни развалившейся стѣны, пережившей имена тѣхъ, которые ее воздвигли. Онъ спалъ и подлѣ него паслись на травѣ верблюды, близъ ручья были привязаны осѣдланные кони, и человѣкъ, окутанный въ длинную, волнующуюся одежду, стоялъ на стражѣ, тогда какъ люди его племени спали вокругъ него. Имъ кровомъ служило голубое небо, безоблачное, прозрачно-чистое и прекрасное.

V.

Перемѣна произошла въ духѣ моего видѣнія.

Царница думъ его была соединена съ *однимъ*, который ея не любилъ же болѣе его... Она была у себя дома, за 1,000 миль отъ него, въ своемъ отеческомъ домѣ; она жила, окруженная подроставшими малютками, дочерьми и сыновьями самой красоты. Но посмотри! на ея лицѣ—оттѣнокъ скорби, залегшая тѣнь внутренней битвы и безпокойная томность очей, какъ-будто ихъ рѣсницы обременены непролитыми слезами. Чтѣ же могло быть у ней за горе? Она имѣла все, чтѣ любила — и тотъ, кто такъ любилъ ее, не былъ тутъ, чтобъ возмутить своими надеждами нечестными, или дурно-сдержанной горестью, ея чистыя мысли. Какое же могло быть у ней горе? Она его не любила; не давала и повода думать, что онъ любимъ; онъ не былъ частью того, чтѣ томилъ ея душу—призракъ прошлаго!...

VI.

Перемѣна произошла въ духѣ моего видѣнія

Путникъ возвратился... Я его видѣлъ у подножія алтаря съ милой невѣстой: лице ея было прекрасно, но не то, чтѣ было лучемъ путеводной звѣзды его отрочества. Когда онъ стоялъ предъ алтаремъ, надъ его бровями прошелъ странный видъ и тотъ же трепеть, который въ старой молебнѣ когда-то потрясъ его одинокую грудь. И теперь, какъ тогда, на мгновение, въ лицѣ его выступилъ рядъ неизслѣдимыхъ мыслей! Но онъ сталъ тихъ и спокоенъ. Онъ произноситъ клятвы вѣрности: но видно было, что самъ онъ не слышитъ словъ своихъ; всѣ предметы кружатся около него... Онъ не видитъ ни того, чтѣ было, ни того, чтѣ будетъ. Но старыи замокъ, привычныи залъ, памятыи комнаты, день и часъ, солнечныи лучъ и тѣнь, и та, которая была его судьбою, появляются снова и становятся между нимъ и свѣтомъ. Какое дѣло имъ являться здѣсь и въ такое время?

VII.

Перемѣна произошла въ духѣ моего видѣнія.

Царица думъ его... О! какъ измѣнилась она будто отъ душевнаго недуга! Ея умъ блуждалъ внѣ своего обиталища; ея глаза—они ужъ не имѣли своего собственнаго блеска; но то былъ взоръ, чуждый землѣ. Она сдѣлалась владычицей фантастическаго царства; ея мысли стали соединеніемъ несоединимыхъ вещей; формы, недоступныя и неуловимыя для зрѣнія другихъ, стали ей своимъ. И это міръ называетъ безуміемъ. Но безуміе мудраго далеко еще глубже; взоръ меланхолическій—страшный даръ... Что онъ, какъ не телескопъ истины, который приближаетъ разстояніе обольщающихъ призраковъ, открываетъ жизнь въ совершеннѣйшей ея наготѣ и холодную дѣйствительность показываетъ уже слишкомъ дѣйствительною?

VIII.

Перемѣна произошла въ духѣ моего видѣнія.

Путникъ снова былъ одинъ, какъ и нѣкогда; существа, окружавшія его, или исчезли, или были въ войнѣ съ нимъ: окруженный клеветой и ненавистью, онъ сталъ цѣлію для несчастія и безвыходнаго отчаянія. Скорбь была примѣшана ко всему, что было ему подноспно—даже до того, что, подобно понтійскому монарху древнихъ дней, онъ питался ядомъ, и ядъ не имѣлъ надъ нимъ болѣе силы, но служилъ ему пищею: онъ жилъ тѣмъ, что для многихъ было бы смертію. И онъ избралъ друзьями себѣ горы; со звѣздами и съ ночными видѣніями вступилъ онъ въ бесѣды, и они научили его магикѣ своихъ мистерій; книга ночи широко ему была открыта, и голоса изъ глубокой бездны повѣдали ему чудо и тайну. Да будетъ такъ.

Сонъ мой прошелъ... Въ немъ страннымъ образомъ судьба этихъ двухъ существъ пронеслась предо мной, почти какъ дѣйствительность.

Пер. В. Красовъ.

=

ТОРГОВЛЯ ВЪ АМЕРИКАНСКИХЪ СТЕПЯХЪ.

Между 30° и 40° сѣверной широты и 104° и 108° долготы тянется, на сто семьдесятъ лѣ въ длину и сорокъ въ ширину, одна изъ наименѣе изслѣдованныхъ странъ земнаго шара—Новая-Мехика. Смотри на карту, судя по широтѣ, которая говоритъ въ пользу благорастворенія климата, по положенію въ среди оживленныхъ штатовъ, можно предположить навѣрное, что страна эта обогащена счастливымъ трудомъ, оживлена движеніемъ цивилизаціи. Съ сѣвера и востока она грани-

ОТЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

АНДРЕЕМЪ КРАЕВСКИМЪ.

Beatae plane aures, quae non
vocem foris sonantem, sed intus
auscullant veritatem docentem.

Gersonis.

ТОМЪ LXIII.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ И. ГЛАЗУНОВА И КОМП.

—
1849.